

Ольга КРАВЦОВА

г. Ставрополь

Монологи Евтушенко:

выбор и альтернативная реальность

Мне хотелось ещё раз отметить явление, уже вроде достаточно изученное и многократно в литературе обсуждаемое, свойственное историческому периоду конца 60 – 70-х годов ушедшего века, когда время «оттепели» не оправдало надежд на плодотворный диалог и обретение нового образа культуры. Официальная культура исчерпала возможности развития при помощи диктата, а неофициальная не имела почвы для расширения своего воздействия на общественное сознание.

Таким образом, «оттепель» вызвала феномен нового «двоемирия»: официальное/неофициальное (отсюда ужесточение цензуры). Два разных культурных мира вполне гармонично «уживались» в одном человеке. Потеряв надежду на диалог, интеллектуальная элита начала «внутренний монолог», оказалась невостребованной по собственному желанию. Альтернативная реальность находилась в состоянии активного неприятия происходившего официоза. Исходя, допустим, из исследования Виктора Баракова о творчестве Николая Рубцова, можно сказать, что в 70-е годы развитие русской поэзии шло преимущественно двумя путями: с одной стороны – «почвенное» направление, опирающееся на народное творчество и на традиции русской классики XIX – XX веков, преимущественно её крестьянскую линию (А.Кольцов, Н. Некрасов, Н.Клюев, С. Есенин и др.). С другой – все громче заявляла о себе так называемая философская лирика, глубоко проникающая в сложности бытия вообще.

В. Зайцев выделяет в поэзии 60 – 80-х годов три направления стиля: 1) реалистический стиль, к которому он относит Е. Евтушенко, А. Жигулина, В.Казанцева; 2) романтическое стилевое течение (патетическое – у Р. Рождественского, лирическое – у Н.Рубцова и «тихих»); 3) интеллектуально-философское направление (традиционное – у Л.Мар-

тынова, И. Шкляревского, О. Чухонцева и сложно-ассоциативное – у Ю. Кузнецова). Бараков отмечает: «Тут дано, по сути, классическое разделение поэзии на реалистическую и романтическую. В 70-е годы эти два начала проявили тенденцию к синтезу, которая в большей или меньшей степени видна практически у всех». Автор также констатирует, что в 60 – 70-е годы происходит понижение общественного тона поэзии. Евгений Евтушенко в 1971 году пишет стихотворение «Тихая поэзия»: «В поэзии сегодня как-то рыхло./ Бубенчиков полно – набата нет./Трибунная поэзия притихла,/а «тихая» криклива: «С нами Фет!» «Трибунная» поэзия становится все более «лирической», испытывая на себе сильнейшее влияние художественного опыта «тихой лирики».

Однако это явление имело не только политические причины; В. Бараков обращает внимание на следующее обстоятельство: «Смутное порубежье конца шестидесятых – начала семидесятых годов унесло много драгоценных жизней и поломало судеб. Началось всё с А. Ахматовой – она умерла в 1966 г. Затем ушли: А. Яшин (1968), Н. Рыленков (1969), С. Дрофенко (1970), Н. Рубцов (1971), А.Твардовский (1971), А. Прокофьев (1971), Я. Смеляков (1972), С. Кирсанов (1972), А. Прасолов (1972), А. Вампилов (1972), М. Исаковский (1973), Б. Ручьев (1973), Г. Шпаликов (1974), В. Шукшин (1974). А если упомянуть ещё и тех, кто вынужден был уехать за границу (И. Бродский (1972), А. Солженицын (1974), А. Галич (1974) и др.), то список будет ещё более объемным и удручающим».

Жанр «монологов» (чуть позже – такой броский, надрывающий душу у Высоцкого) Евгением Евтушенко также использовался прежде всего для того, чтобы донести свою мысль до читателя. Для поэта это был способ высказать свое отношение

к происходящим в мире и государстве событиям, а также непростое отношение человека к государству. «Монолог проигравшегося», «Монолог послезавтрашнего человека», «Монолог бродвейской актрисы», «Монолог американского поэта», «Монолог доктора Спока», темпераментный «Монолог Тия Уленшпигеля», «Монолог Юджина Шампа» («Прощай, Сирано! В павильоне все лампы погашены»). Действие и герои этих стихов якобы переносились или в зарубежную – капиталистическую – обстановку («от битников до президентов»), или вообще носили вневременный характер, т. к. монолог велся от лица исторического, вымышленного, а иногда и сказочного.

Нередко выразителями нравственных ценностей в поэтике Евтушенко выступают представители животного мира или вообще предметы неодушевленные: «Я кошелек. Лежу я на дороге». Композиционную роль в этих текстах играет элемент театрализации, маскадность образов. Игровое, театральное начало «эстрадной лирики» исследователи (В.П.Прищепа) объясняют не какой-то недостаточностью мира поэтического, а созвучностью этого мира с другими видами искусства; возникающую его «эховность и отзывчивость».

Но каким бы экзотическим на первый взгляд ни был персонаж, он никогда не был далеким от реальной действительности, от происходящего в настоящий момент, – он решает прежде всего отечественные, «внутренние» проблемы, а также проблемы «вечные», духовные, не ограниченные какими-либо временными рамками. Более того, персонажи-маски Евтушенко становятся глашатаями нравственных принципов поэта, носителями его идеи; вместе с тем это объективный образ человечества, жаждущего справедливости.

«Монолог американского поэта» не несет в себе никаких определенных заокеанских реалий: «Устою никаких не потрясал./ Смеялся просто над фальшивым, дутым./ Писал стихи. Доносов не писал. И говорить старался все, что думал». Эти слова мог сказать кто угодно: и англичанин, и француз; как видим, никакой национальной принадлежности говорящего нет. В уста своего героя Евтушенко вкладывает свое собственное представление о том, каким, по его представлениям, человек *должен быть*. Герой ведет себя естественно, он не сомневается в правоте выбранной им жизненной позиции. Однако существует альтернатива – оставаться таким дальше: писать стихи или же жить как *те, другие* (которые пишут доносы). Таким образом, возникает альтернативная реальность, предполагающая проблему выбора. Выбор героя Евтушенко зависит от его нравственных убеждений и моральных качеств его личности. Выбор также за-

висит от того, что сильнее – нравственные убеждения или альтернативная реальность, осознаваемая героем как *те, другие* (социум и государство). Однако именно такая позиция героя наиболее опасна для него: человечество никогда не было таким, каким оно должно быть в представлении героя; оно существует по тем законам, которые ему наиболее выгодны. Поэтому между героем и альтернативной реальностью неизбежен конфликт.

В стихотворении «Монолог бывшего попа, ставшего боцманом на Лене» (1967) конфликт, неизбежный в предыдущем тексте, находит свое разрешение: происходит обличение лживых норм существования, благодаря чему герой обретает ту гармонию, которой его жизнь была лишена ранее. Он заявляет: «О, лишь от страха монолитны/ они, прогнанные давно./ Меняются митрополиты,/ но вечно среднее звено». Находит свое продолжение и тема «наследников Сталина», это определеннный социальный слой, умело приспособившийся к политическим изменениям в государстве.

Следующие четверостишия представляются нам еще более существенными для внутренней перемены в герое: «И я учуял запах скверны, проникший в самый идеал. Всегда в предписанности веры безверье тех, кто предписал. И понял я: ложь исходила не от ошибок испокон, а от хоругвей, из кадила, из глубины самих икон». Но «среднее звено» обладает реальной силой, и герой покидает обитель, оказавшуюся «ненастоящей». Так бывший поп приходит к другой вере, подлинной: «Я ухожу в тебя, Россия,/ жизнь за судьбу благодаря,/ счастливый, вольный поп – расстрига/ из лживого монастыря./ И я теперь на Лене боцман./ и хорошо мне здесь до слез,/ и в отношенья мои с Богом/ здесь никакой не лезет пес». Герой приобретает необходимую ему независимость. Избавившись от «посредников», он ощущает свое внутреннее, гармоничное единство с «Богом» – вечной, подлинной субстанцией добра и справедливости.

В стихотворении «Монолог голубого песка на аляскинской звероферме» (1967) Евтушенко показывает судьбу человека, родившегося и воспитанного в политической системе советского государства. Эта система вполне великодушна: государство выкормит и выучит, но человек и его жизнь рассматриваются им как сырьё, как средство достижения определенной цели. Стихотворение пронизано ощущением собственной обреченности и безысходности. Попытки вырваться из этой системы тщетны и в итоге оказываются бессмысленными. В монологе поэтом решается проблема *свободы воли*, проблема *свободы выбора*.

Основную композиционную роль играет мотив побега, который сближает этот текст с текстами тю-

ремно-лагерной тематики В.Высоцкого. Герой стихотворения – песец, живущий на аляскинской звероферме. Жизнь в клетке – лживая, ненастоящая, безрадостная, олицетворяется в сознании героя с «тухлой рыбой», с дверью «на крючке», «сеткой»; постоянным ощущением замкнутого пространства. В его подсознании таится ощущение, что все может быть «не так». Мучительное чувство несвободы усугубляется постоянным ожиданием смерти – герой понимает, что предназначен «на убой», он обречен. Единственным спасением ему мыслится побег. Совершив задуманное, он попадает в прекрасный и незнакомый ему ранее мир: «В глаза летели лунные караты./ Я понял, взяв луну в поводыри, / что небо не разбито на квадраты,/ как мне казалось в клетке изнутри». Его переполняет радостное чувство родства с окружающим его пространством: переливающимся снегом, деревьями, звездным небом. Он ощущает себя частью природы, космоса, мироздания: «Я выыркался. Я точил балясы/ с деревьями. Я был самим собой./ И снег, переливаясь, не боялся/ того, что он такой же голубой».

Происходит обретение героем «самого себя». Но суровая природа Аляски не принимает «чужака». Её испытания для него слишком тяжелы, он с горечью вынужден признать: «Дитя неволи – для свободы слаб». Но также герой совершает ещё одно открытие – его выбор оказался роковой ошибкой, самообманом, т. к. в его сердце поселяется тоска по «клетке»: « И с ужасом я понял, что люблю/ ту клетку, где меня за сетку прячут,/ и звероферму – родину мою». Побег не оправдывает себя, одно разочарование сменяется другим. Таким образом, поэтом создается очень точная альтернативная модель *побег/возвращение*, где герой сталкивается с проблемой выбора дважды, причем мотивом в ней служит одно и то же желание героя – спасение собственной жизни.

Также очень интересен созданный в этом стихотворении образ государства, воплощенный Евтушенко в образе эскимоски и пространственно-психологической атмосферы зверофермы. «Она меня спасет от всех болезней/ и помереть мне с голоду не даст./но знаю, что меня в мой срок железный./ как это ей положено, – предаст». Все, что требуется от героя, – это простое ожидание смерти: «железного срока». Он чувствует ласковые руки, но эта ласка – лживое притворство убийцы. Пальцы эскимоски «кротко» чешут загривок; все предопределено, все известно, запланировано. Герой знает, как произойдет его убийство: «Душили раньше попросту в мешках./Теперь нас убивают современно – / электротоком. Чисто как-никак». Убийство из акта трагического превращается в акт бытовой: обыкновенный, само собой разумеющийся. Государствен-

ная машина работает чистоплотно и даже «уютно». Этот «смертоносный уют» доводит героя до отчаяния: «Гуманны будьте к служащим! Введите / на звероферме должность палача!»

«Монолог Тилья Уленшпигеля» (1965) – яркий, темпераментный призыв к человечности, смелый и категоричный акт против насилия. Тиль Уленшпигель – бессмертный дух добра и справедливости в поэтике Евтушенко – становится воплощением совести, останавливающей человечество перед преступлением – убийством своего ближнего. «Качаясь тяжело, черные от гари,/ по мне звонили все колокола,/ не зная, что, убитый в Бабьем Яре,/ я выбрался сквозь мертвые тела.../ И посреди двадцатого столетья/ я слышу – кто-то стонет и кричит./ Чем больше я живу на этом свете./ тем больше пегла в сердце мне стучит». Здесь уже речь идет не о человеке и государстве, а вообще о человечестве страдающем, приобретающая «общепланетный» характер. Эти две строфы наиболее емко, наиболее удачно вместили в себя тот колоссальный масштаб, который приобретает бессмертное существо лирического героя. Оно играет роль огромного вместилища для человеческих страданий.

По своему эмоциональному накалу этот «монолог» не уступает и монологам принца Гамлета; определенный «дух средневековья» присутствует в данном стихотворении на уровне контекста. Колокола, «черные от гари», и пепел, «стучащий в сердце», рождают ассоциации с кострами инквизиции, на которых безвинно погибали тысячи людей. Этот прием – соединение средневековой темы с трагедией Бабьего Яра позволяет поэту напомнить человечеству о том, что со времен средневековья ничего не изменилось и насильственная смерть невинного человека бесконечна в его истории. Евтушенко демонстрирует нам и свое необыкновенное чувство ответственности за происходящее, редкое чувство сопричастности к кровавым страницам мировой истории.

Голос человека «из народа» мы слышим в стихотворении «Ария индийского гостя» (1974). В первом собрании сочинений в восьми томах присутствует авторская заметка: «Это стихотворение – завязь будущей поэмы «Северная надбавка». Российская глубинка в художественном мире поэта всегда выступала своеобразным «генератором» не только нравственности, но и подлинности человеческого бытия; символизировала собой ту «чистоту» и «глубину», в которой коренится неизбежность русской души. Как и в поэме «Северная надбавка», герой стихотворения совершает выход из среды простой, народной и настоящей в чуждый ему цивилизованный, «светский» мир. Отметим, что в искусстве социалистического реализма это был достаточно

распространенный прием, особенно активно использующийся в кино (Г. Данелия «Мимино», Е. Ташков «Приходите завтра»). Но герой Евтушенко стремится не только познать окружающую его новую реальность, но и заявить в ней о себе и своей «правде».

«Называют Индией в Сибири/индивидуальные постройки./Если колья вбили, стены сбили – / супротив пурги хибары стойки». Этот мир далек от цивилизованной жизни и благополучного быта, однако именно он, по мнению поэта, «создает» человека «настоящего»: «Я из Индии, где минус пятьдесят,/ где рубахи, словно айсберги, висят/ у построенных из ящиков халуп.../ Эту Индию ты, что ль, искал, Колумб?» Имя знаменитого путешественника упоминается поэтом не случайно: как известно, его целью было нахождение золота. Этот прием рождает в подсознании читателя формулу «Колумб – Индия – богатство» и ориентирует тем самым на свойственное человеку стремление к обогащению. Поэтому в следующей строфе возникает характеристика человека нравственного как наивысшей ценности: «Мы немножечко чумазы,/но и сами мы алмазы, лишь в оправу/ не по нраву что-то лезть». Неистребимость русского трудолюбивого духа, сопряженная с удивительной верой в себя, передана в тексте через бытовые детали: «а народ пошел настырный – /строил сам из горбылей/ да из смерзшихся соплей»; «Крышу длинными рублями,/словно толем, крыли мы»; «волочили мы досочки,/как индийские слоны». Таким образом, в тексте создается картина привычной и близкой герою реальности, дорогой его сердцу родной сибирской земли. Он и его земляки не просто выживают в лютых условиях, но и осознают себя счастливыми: «И под треск уг-

лей горящих,/под «буржучный» мотив/зажили как магараджи,/дым тюрбаном накрутив».

Однако герой стихотворения мечтает о тепле и благополучии, таким оазисом счастья представляется ему отпуск в Гаграх: «Я поеду в отпуск в Гагры,/закачаюсь в синь-дыму./Метрдотеля я за жабры/уважительно возьму./ Я скажу: «Не мне пугаться/ роковой таблички «Для /иностранных делегаций»./ Далека моя земля./Ты чего глаза таращишь?/Ставь коньяк и шоколад./Я из Индии, товарищ./Тоже вроде делегат». Здесь звучит голос человека обиженного и даже обозленного на увиденный им новый мир. И, в отличие от героя поэмы «Северная надбавка», вручившего её нуждающейся в деньгах семье сестры и тем самым отказавшегося от планов на заслуженный отдых, этот человек пока далек от подобного великодушия: «Под грузинские закуски,/прошампаненный насквозь,/свою арию по-русски/ я спою, индийский гость».

В «Монологе послезавтрашнего человека» (1971) находит свое развитие тема разобщенности человечества. Государственная политическая система разделила людей на партии, руководствуясь принципами, которые представляются поэту абсурдными, нелепыми. Политика «сочла живую душу единицею/ и рассекла на партии людей». По мнению Евтушенко, такой подход к человеку далек от какого-то нравственного прогресса, и поэт называет его «несветлый дикий Вавилон». Однако это стихотворение можно назвать позитивным, т. к. в последней строфе торжествует вера поэта в реальность человеческого единства и нравственных категорий: «И будет мир, где нет калек на паперти, / политиков и нравственных калек,/ а в нем одна-единственная партия – / её простое имя – человек».

Ольга Владимировна КРАВЦОВА

родилась в Ставрополе.

В 2002 году окончила факультет филологии и журналистики

Ставропольского государственного университета.

Увлечлась поэзией шестидесятничества,

творчеством Е. А. Евтушенко.

Защитила диссертацию.

В настоящее время работает

*в Ставропольской краевой универсальной
научной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова.*

